

В ПОИСКАХ ОБОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗМА...

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: kusliy@iph.ras.ru

В данном критико-аналитическом обзоре рассматривается обоснование реализма в эпистемологии и философии науки, представленное в сборнике статей «Перспективы реализма в современной философии» (М., 2017). Дана экспозиция сфер, в которых авторы данной книги изучают проблематику реализма, а также тех аргументов в его защиту, которые они предлагают. Представлена критика этих аргументов, согласно которой все они не способны убедить антиреалиста отказаться от своих взглядов в пользу реализма. Исследован вопрос о том, насколько реалисты и антиреалисты говорят об одном и том же в своих дискуссиях и что могло бы стать общей почвой для повышения продуктивности таких дискуссий. Автор предлагает, что апелляция к языку может стать таким общим полем, и приводит аргумент Фреге против скептиков и идеалистов в качестве возможного методологического обоснования реализма.

Ключевые слова: реализм, антиреализм, философия науки, эпистемология, философия языка, семантика

SEARCHING FOR THE JUSTIFICATION OF REALISM...

Petr S. Kusliy – PhD in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation; e-mail: kusliy@iph.ras.ru

This critical analytical review examines the ways in which realism can be justified in epistemology and philosophy of science and which are presented in the collection of papers “Perspectives of Realism in Modern Philosophy” (M., 2017). The exposition of areas in which the authors of this book study the problems of realism, as well as those arguments in its defense that they offer, is given. A criticism of these arguments is presented, according to which all of them are not able to convince an anti-realist to abandon their views in favor of realism. The question of whether realists and anti-realists have the same object of discussion and what could become a common ground for them is explored. The author suggests that an appeal to language can become such a common ground and reproduces Frege’s argument against skeptics and idealists as a possible methodological justification for realism.

Keywords: realism, antirealism, philosophy of science, epistemology, philosophy of language, semantics

Введение: возвращение реализма в современной философии

В самом первом приближении реализм – это философская и даже общая мировоззренческая позиция, согласно которой существует реальность, доступная познанию, но при этом остающаяся независимой от познающего и несводимой к содержанию его восприятия или тем конструкциям, которые строит познающий в процессе познания и которые он представляет в качестве результата познавательной деятельности. Антиреализм – это, соответственно, общая позиция, согласно которой реализм неверен. Конкретизируется эта позиция в различных видах антиреализма, которые в разных ситуациях обретают различные именованья (идеализм, релятивизм, социальный конструкционизм, психологизм и т.д.). В последние десятилетия оппозиция реализм-антиреализм обрела новую остроту, вызванную «возвращением» реалистической повестки в указанные области и ее столкновением с господствовавшим в них ранее антиреализмом.

В современной отечественной философии, которая, по-видимому, до сих пор в немалой степени остается под влиянием релятивистской эпистемологии, реализм также переживает в последнее время новую популярность (см., например: [Проблема реальности 2015; Лекторский, 2012; Макеева 2011]). Сборник «Перспективы реализма в современной философии» [Перспективы реализма, 2017], который станет основным предметом моего рассмотрения в данном критико-аналитическом обзоре, может считаться одной из наиболее значимых отечественных книг последнего времени, ориентированных не только на предоставление читателю общей экспозиции на картину боевых действий между реализмом и его оппонентами, но и на защиту реалистического мировоззрения от нападков антиреализма. В данный сборник входят работы восемнадцати авторов, ни один из которых не считает себя антиреалистом. Таким образом, книга обрисовывает не только перспективы реализма, но, в известной степени, представляет собой и его защиту.

В данном обзоре попытаюсь показать, что авторам, действительно, удалось очертить перспективы реализма и, тем самым, решить, по-видимому, основную задачу, ради которой замысливалась эта книга. Вместе с тем я также приведу аргументы о том, почему, на мой взгляд, им не удалось представить убедительную защиту этого мировоззрения. Если этот сборник станет читать антиреалист, то он вряд ли найдет в нем достаточно убедительные аргументы для того, чтобы перейти на сторону реалистов. Именно поэтому, на мой взгляд, вместе с перспективами реализма, данный сборник очерчивает еще и его горизонты (пределы). Однако обо всем по порядку.

Общий обзор книги

Уже во вступительной статье В.А. Лекторский формулирует одну из главных мотиваций, лежащих в основе антиреализма, которая, по его мнению, происходит из области психологии. Она заключается в том, разные существа воспринимают одни и те же, казалось бы, явления совершенно по-разному, а, следовательно, имеют и разные представления о реальности. Противостоит этому направлению, по мнению Лекторского, концепция «экологического подхода», восходящего к работам Дж. Гибсона. Эта концепция предполагает множественность уровней реальности и показывает, что такая множественность говорит не об отсутствии у них общего основания, а скорее о его многослойности. Возникающая здесь вероятность того, что существа, воспринимающие реальность по-разному, окажутся изолированными в своих «нишах» и мы опять окажемся в ситуации множественного солипсизма, по мнению Лекторского, не является угрозой реализму. Различные уровни или слои реальности связаны друг с другом. Любое существо, взаимодействуя с миром на уровне, доступном для него, оказывает воздействие и на другие уровни, которые для его восприятия недоступны. Подтверждением этому является человек, который, используя приборы, может не только оказывать сознательное влияние на уровни реальности, непосредственно им не воспринимаемые, но, тем самым, демонстрирует их существование и взаимозависимость друг с другом.

Оппозицию научного реализма и противостоящего ему социального конструкционизма исследует в своей статье Е.О. Труфанова [Труфанова, 2017; см. также Филатов и др., 2009]. Ключевую антиреалистскую установку социального конструкционизма она представляет следующим образом: «знание о том, что мы считаем существующим объективно и независимо от нас, на самом деле является знанием, которое отражает не реальность саму по себе, а сконструированные обществом представления об этой реальности» (с. 444). Труфанова предлагает критику позиции социальных конструкционистов, указывая, что те не различают два типа зависимостей: метафизические и психологические. Если такие вещи, как лазеры, зависят своим существованием от людей, которые их создали, и останутся на земле, даже если все люди исчезнут, то такие феномены, как деньги и президенты, хоть и созданы людьми, но существуют в полной зависимости от их сознания и исчезнут, если исчезнут люди. Социальные конструкционисты, по мнению Труфановой, считают, что все явления одинаково метафизически зависят от людей и в этом их ошибка.

Радикальная оторванность картины мира современной науки от той картины мира, которую наблюдают люди в обыденной жизни, также представляет собой тему, вокруг которой проходят баталии реалистов и их оппонентов. Ей посвящена статья С.В. Пирожковой

[Пирожкова, 2017]. Научные теории, как известно, часто отбрасываются вместе с теми объектами, существование которых в них постулировалось. На смену одним теориям приходят другие, а вместе с ними и новые объекты. Руководствуясь всеми этими фактами, скептик антиреалист снова утверждает: «То, что мы называем знанием, оказывается не отображением реальности, а продуктом нашей деятельности – еще одним, наравне с биологическими отходами, орудиями и сооружениями» (с. 308). Пирожкова предлагает аргументацию о том, как современная физика способствует становлению антиреалистического понимания реальности.

Несвязанность объектов математики с какой-либо внешней по отношению к сознанию эмпирической реальностью также рассматривается в данном сборнике как возможная угроза реализму. А.В. Родин пишет: «Критерии математической доказательности, которые исключают использование эмпирических свидетельств, по всей видимости, указывают на то, что математические объекты не существуют независимо от человека, а их объективный характер определяется общей человеческой когнитивной способностью к воображаемым построениям по одним и тем же фиксированным и явно предъясляемым правилам» [Родин, 2017, с. 293].

Защитники реализма, таким образом, представляются в сборнике в качестве тех, кто должен показать, как именно наука, строящая гипотезы, которые не только могут быть опровергнутыми, но и зачастую опровергаются, может претендовать на то, чтобы конструируемая ею картина была картиной реальности.

Противостояние реализма и антиреализма, исследуемое в этой книге, проходит и в области философии языка. Так, известный итальянский философ Э. Агацци предлагает аргумент о том, как понимание природы истины в духе А. Тарского способствует обоснованию реализма, не обращая при этом к более поздним аналитическим теориям, которые гораздо чаще рассматриваются в качестве оснований для реализма. К ним обращается Д.В. Иванов [Иванов, 2017], который предлагает достаточно краткий и доходчиво написанный обзор того, как аргументы в пользу метафизического эссенциализма в философии языка стали новой основной для реализма. Иванов также показывает, как данная аргументация отразилась и на дискуссиях в области философии сознания. Здесь особый интерес представляет его обсуждение концепции энактивизма.

Таковы, на мой взгляд, основные области, в которых реализм сталкивается с антиреализмом на страницах данной монографии. Приведенный абрис, разумеется, не является полным как в отношении материалов, представленных в этой монографии, так и содержания тех статей, которые я уже упомянул. В книге есть тексты, которые обсуждают не столько аспекты противостояния реализма и антиреализма, сколько ряд связанных вопросов, возникающих при

философском осмыслении проблематики реализма. Так, например, Ж.К. Загидуллин обсуждает проблему моделирования в науке, ставя вопрос о том, «с чем имеет дело философ, когда строит и использует модели» [Загидуллин, 2017, с. 332–334].

Статья А.М. Анисова исследует логические основания концепции реальности. В ней автор стремится показать, «как наукой реально строится онтология реальности» (с. 187), сводя используемые в науке онтологические структуры к четырем основаниям. Г.Д. Левин проводит компаративный анализ материализма и объективного идеализма, а Е.Л. Черткова исследует соотношение реализма, скептицизма и истины. Е.А. Мамчур обсуждает критерии реальности теоретических объектов, используемые в современной физике, исходя из одной из версий так называемого структурного реализма. М.А. Сущин представляет русскоязычному читателю программу исследования познания, известную как «предсказывающая обработка» (predictive processing), которая по своим исходным посылкам является антиреалистской. При этом Сущин обсуждает то, в какой степени данная набирающая популярность исследовательская программа ведет к антиреалистским заключениям.

В заключение общего обзора отмечу, что широта диапазона тех проблем, которые исследуются в данном сборнике, порой придает термину «реализм» скорее зонтичный, чем содержательный характер. Несвязанность с эмпирической реальностью идеальных, умопостижимых объектов может рассматриваться как довод в пользу антиреализма, ибо, как указывает А.В. Родин в вышеприведенной цитате, их существование неотрывно от существования человеческого сознания. Вместе с тем, в рамках традиции, восходящей к Платону, умопостижимые сущности обладают не меньшей, а то и большей реальностью, чем материальные объекты. Более того, как известно, платонистская трактовка универсалий именовалась «реализмом» со времен Средневековья. Но если обращение к сознанию как источнику достоверности и подлинной реальности является антиреалистской тенденцией, как указывает нам в своей статье Лекторский, то как тогда быть с целой традицией, в рамках которой умопостижимая реальность не только считалась объективной, но и отличалась от субъективной, психологической, реальности?

Я не могу сказать, что в данной книге различаются два понимания реализма – как противопоставленного идеализму и как согласующегося с ним. Например, статья А.С. Карпенко, к которой я тоже еще вернусь, всем своим интеллектуальным пафосом базируется на реальности всего умопостижимого. Точно так же С.В. Пирожкова (с. 311) указывает, что идеальные умопостижимые объекты могут быть вполне реальными, тогда как авторы некоторых других статей сборника, казалось бы, пытаются от этого дистанцироваться.

Убедительны ли доводы, представленные в обоснование реализма?

По ознакомлении с содержанием представленных в сборнике аргументов в поддержку реализма у меня сложилось впечатление, что они в большинстве случаев носят скорее терапевтический, чем полемический характер. Если кто-то изначально склоняется к реалистическому мировоззрению, то такого человека представленная в сборнике аргументация успокоит. Она покажет, что его изначальные интуиции подкреплены серьезными доводами, происходящими из разных областей знания и базирующимися как на анализе эмпирических данных, так и на рациональных рассуждениях, а его возможные оппоненты, наоборот, сталкиваются с массой проблем даже на уровне формулировки своей позиции. Однако тому, кто тяготеет к той или иной форме антиреализма, эти аргументы вряд ли покажутся убедительными. Большинство из них, как мне кажется, антиреалисты либо посчитают не угрожающими их позиции, либо подтверждающими ее.

Представим себе антиреалиста в области философии науки, который следует классической аргументации У. Куайна о том, что референция терминов изначально непостижима (известный пример анализа термина «гавагай» в [Quine, 1960]), а синонимия терминов чисто условна и не основана ни на общности референтов, ни на общности смыслов. Все это приводит к позиции о том, что редукция содержания теоретических терминов к данным опыта (протокольным предложениям) невозможна (см. [Quine 1951]), а научные теории недоопределены эмпирическими данными и представляют из себя лишь концептуальные связи, набрасываемые на неорганизованный и постоянно меняющийся поток эмпирического опыта с тем, чтобы хоть как-то его упорядочить и обусловить возможность хоть какого-то предсказания его будущих изменений. Никакой апелляции к реальности, которую объясняли бы научные теории и которую познавал бы человек, здесь нет. Все теории суть лишь концептуальные инструменты, которые могут быть пересмотрены и отброшены в полном объеме, даже самые абстрактные и непосредственным образом не связанные с эмпирическим опытом.

Убедят ли такого антиреалиста доводы, приведенные авторами данной монографии? Мне кажется, что вряд ли. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Многие авторы указывают, что успешность науки не может быть случайной. В общем виде их аргумент можно сформулировать так: если бы наука не описывала бы независимую от человеческого сознания реальность, а занималась лишь построением конструкций, отражающих сугубо внутренние аспекты сознания людей, то что объясняло бы успешность такой науки? В достаточно четкой форме

данная аргументация сформулирована в статье С.В. Пирожковой, которая указывает, что не только успешность науки говорит о том, что она описывает реальность, но и ошибки в познании говорят о том, что наука имеет дело с чем-то внешним и не зависящим от познавательных способностей человека. Так, Пирожкова пишет: «Убедительнейшее доказательство реалистичности наших теорий заключается в том, что человечество за последние столетия существенно расширило область опыта, опираясь на теоретические построения» (с. 321).

Боюсь, что подобные аргументы вряд ли убедят нашего антиреалиста. В ответ он вполне может сказать, что успешность наук объясняется изощренностью тех концептуальных сетей, которые строят ученые. Он также может указать, что если реальность – это то, что описывают научные теории (ведь иначе мы ее не знаем), то говорить о том, что она же их опровергает, означает косвенно исходить из какой-то дополнительной научной теории, задающей реальность, которая опровергает исходную теорию. Здесь возникает либо угроза регресса (нам всегда нужна некая подразумеваемая, но явно не формулируемая «правильная» научная теория, описывающая реальность, опровергающую «неправильную» и явно формулируемую научную теорию), либо некая необоснованная вера в мистическую реальность, которая может быть данной либо через теории, либо без них. Такая вера, скажет наш антиреалист, сродни религиозной и не имеет отношения к научному мировоззрению.

Мне думается, что описанного выше антиреалиста не убедит и аргументация от практики, которую формулирует В.А. Лекторский, который, как уже было сказано, противопоставляет реализм идеализму. Рассматривая проблему неотличимости реальности от иллюзии, Лекторский указывает, что практика (обследование) помогает их различить. Приводя в пример случай с восприятием дома, который на поверку оказывается лишь фасадной стеной, а не домом, Лекторский пишет: «Мое восприятие дома как целостного было иллюзией. Но, поскольку я имел возможность обойти дом, моя иллюзия была снята» (с. 20).

Основание для возражения антиреалист, как мне кажется, отыщет в следующем пассаже из той же статьи: «Иллюзия будет стойко держаться в том случае, если обследование по каким-то причинам невозможно или затруднено» (с. 19). Антиреалист укажет, что отличать объекты от иллюзий довольно легко, когда нам даны и те, и другие. Однако что делать в ситуации, когда у нас нет ресурсов их различить, т.е. в ситуации, когда вопрос стоит о картине мира, основанной на самых последних данных науки, т.е. картины, в отношении которой у нас еще нет никакого дополнительного обследования, на которое мы могли бы опереться? Получается, что, с одной стороны, мы исходим из того, что реальность такова, как нам говорит наука

сегодня, а, с другой стороны, мы понимаем, что в этой ситуации мы можем ничем не отличаться от человека из примера Лекторского, который думает, что перед ним дом, тогда как перед ним лишь его фантасмагорическая стена.

Антиреалист не примет аргумент о реальности в результате «обследования». Он скажет, что мы не можем «забегать вперед» и говорить, что сегодняшняя наука описывает для нас реальность, как если бы мы уже провели «обследование» ее предсказаний. Он скажет, что мы всегда пребываем в ситуации, когда «иллюзия» и «реальность», как их описывает Лекторский, неразличимы, а потому данный аргумент в обоснование реализма неубедителен.

Можно, конечно, аргументировать в пользу реализма, атакуя антиреализм, как это делает Е.О. Труфанова: «Социальные конструкционисты сами, как правило, являются реалистами – реалистами относительно социальных конструкций или же таких социально значимых понятий, как угнетение женщин и представителей других рас... Именно такие казусы делают социальный конструктивизм крайне противоречивым подходом» (с. 457).

Данная аргументация против реализма представляется достаточно сильной, но и здесь, я полагаю, антиреалисту будет что ответить. Во-первых, недостатки социального конструктивизма автоматически не делают реализм предпочтительным. У него, как я попытался показать выше, могут быть и свои собственные недостатки. Во-вторых, социальные конструктивисты, насколько об этом можно судить в том числе и из статьи Е.О. Труфановой, не говорят о том, что реальность реалистов не существует. Они, скорее, говорят о том, что их реальность не имеет привилегированного статуса по сравнению с другими «реальностями», т.е. реальностями, предполагаемыми в других философских, научных и ненаучных практиках. Отличие реальности науки, по мнению конструктивистов, лишь в том, что ее исповедуют те, в чьих руках власть. Борьба между реальностями, таким образом, это просто борьба среди различных мировоззрений за доминирование, т.е. борьба за власть. Поэтому их доводы, скорее, направлены не против научного реализма, а против идеи о его эпистемической привилегированности.

Семантическая аргументация в поддержку реализма, представленная в работах Э. Агацци и Д.В. Иванова, мне также представляется хоть и сильной, но не непреодолимой.

Как уже говорилось выше, позиция Э. Агацци о том, что истина есть путь к тому, что существует, поскольку признание истинности того или иного предложения ведет к признанию существования тех объектов, о которых в нем идет речь. Важно, что речь у Агацци идет не только о референции к единичным объектам, но и к теоретическим сущностям: «Подтверждая правильно понимаемое понятие истины для научных теорий и осознавая, что эта истина влечет

существование референтов всех понятий, встречающихся в истинных утверждениях теории, мы имеем право сказать также, что введенные подобным образом теоретические сущности существуют так же, как существуют другие референты, принадлежащие этой онтологической области» (с. 51).

Боюсь, что из этого утверждения следует, что существует всё, о чем сообщают истинные утверждения, включая круглые квадраты и золотые горы. Случаи придания статуса существующего объекта всему, что можно описать именем существительным, Куайн называл «проблемой бороды Платона» [Quine, 1948]. Если так, то критерий, предложенный Агацци, может оказаться слишком слабым, а потому и неудовлетворительным.

Несмотря на убедительность и философскую значимость аргументов С. Крипке и Х. Патнэма в поддержку эссенциализма на основании теории жестких десигнаторов, представленной в статье Д.В. Иванова, они, на мой взгляд, также недостаточны для того, чтобы убедить антиреалиста. Теория прямой референции имен, как жестких десигнаторов, как известно, сталкивается с проблемой пустых имен. Бывают термины, которые какое-то время используются как имена собственные, однако потом выясняется, что они реально ничего не обозначали. Примером такого пустого имени может быть термин «эфир». Как быть с пустыми именами, если эти имена с необходимостью обозначают объект, согласно теории Крипке – Патнэма? Как быть с метафизическим пафосом этой концепции в свете возможности пустых имен? Лично мне не известны примеры убедительных аргументов, совмещающих метафизические следствия теории жестких десигнаторов с феноменом пустых имен. Сторонники этой концепции М. Дэвит и Р. Стерельный [Devitt, Sterelny, 1999, p. 74] предполагают, что пустые имена возникают вследствие ложнопостулированных сущностей (fake posits). Но если так, то антиреалист сразу хватается нас за руку, говоря, что если жесткие десигнаторы могут обозначать ложнопостулированные сущности, то никакого метафизического, реалистского пафоса в теории жестких десигнаторов нет.

В литературе известны концепции, позволяющие сохранить продуктивный потенциал теории жестких десигнаторов для семантики, избавив ее от ненужной метафизической обузы. Одной такой концепцией является семантика смены файлов Ирены Хайм (File Change Semantics, см. [Heim, 1983]). Она сохраняет идею жесткой десигнации и при этом совместима с существованием пустых имен. Проблема в том, что эта концепция освобождает теорию жестких десигнаторов от метафизического бремени, делая ее бесполезной для обоснования реализма¹.

¹ О некоторых других проблемах теории именования см. [Черняк, 2016].

Предложенное здесь рассмотрение аргументов, сформулированных в поддержку реализма в обсуждаемом сборнике, является, разумеется, неполным. В силу ограничений данной статьи я попытался разобрать только те из них, которые мне показались наиболее ясно сформулированными и значимыми. Все упомянутые работы, разумеется, содержат гораздо больше, чем я смог обсудить. Однако в рамках подобного обзора такое обеднение неизбежно, и за всеми дополнениями и подробностями я направляю читателя непосредственно к тексту книги².

Можно ли вообще убедительно обосновать реализм?

Проблема принципиальной возможности разрешения противостояния между реализмом и антиреализмом сама по себе является философской: внешне кажется, что общий предмет спора имеется, однако на проверку выясняется, что аргументация одной стороны воспринимается другой стороной либо как изначально порочная, либо как совершенно незначимая. Выше я попытался показать, как аргументы реалистов могут восприниматься антиреалистом как неугрожающие его позиции. Из этого, однако, не следует, что аргументы самих антиреалистов достаточно серьезны, чтобы поколебать мировоззрение их оппонентов из реалистического лагеря.

Ранее я уже привел некоторые аргументы против антиреализма, которые обсуждает Е.О. Труфанова. Она видит и изначальную проблему возможности такого противостояния в принципе. Ссылаясь на аргументацию К. Гергена [Gergen, 2001], Труфанова пишет: «Аргументы реалистов нерелевантны для конструкционистов и наоборот. К примеру, реалист укажет конструкционисту на материальные свидетельства, существующие в природе, но такие свидетельства в социальном конструкционизме не имеют веса. В свою очередь, конструкционист, пытающийся убедить реалиста в наличии социальной предвзятости в том или ином суждении о мире, не будет услышан, поскольку реалист уверен в существовании объективной реальности, которая может быть описана в независимости от любой предвзятости» (с. 455). А если так, то, быть может, споры о реальности вообще являются политическими или даже религиозными?

Чтобы ответить на этот вопрос, полагаю, следует понять, какого рода ожидания мы изначально имеем относительно того, что могло бы быть разрешением этого спора. Никто из авторов сборника

² См. также недавнюю рецензию на эту книгу в «Вопросах философии»: [Бажанов, Кудряшова, 2019].

не рассматривает в качестве теоретически значимой аргументацию в стиле Дж. Мура в поддержку наивного реализма, где подтверждением существования левой руки является ее демонстрация [Мур, 1993]. В современной философии речь идет об обосновании научного, а не наивного реализма. А если так, то, по-видимому, нам следует отказаться и от ожиданий, что позиция реализма сможет когда-либо быть окончательно подтверждена через предоставление в чистом виде той реальности, которую описывает наука именно в том виде, в каком она ее описывает. Иными словами, мы не рассматриваем идею сопоставления картины мира науки с некоей «реальной» картиной мира как нечто изначально возможное. Но если так, то какие вообще мы можем иметь ожидания о возможном разрешении этого спора?

Полагаю, чтобы это прояснить, следует ответить на вопрос, есть ли вообще что-то общее у реалистов с антиреалистами, какая-то «общая почва», на которой они могли бы найти взаимопонимание, несмотря на фундаментальные мировоззренческие расхождения? Полагаю, что такая «почва» есть, и, более того, полагаю, что она имеет непосредственное отношение к вопросу о реальности. Этой «общей почвой» является язык. И реалисты, и антиреалисты говорят на языке, понимают его одинаково хорошо, и их расхождения происходят не из того, что им не предоставили переводчика, а из-за более глубоких теоретических разногласий. Иными словами, их непонимание друг друга не языковое (в России и реалисты, и антиреалисты говорят друг с другом на русском языке), а содержательное, и понимание выражений обыденного языка у них примерно такое же, как и у любых других его носителей.

В этом обзоре я уже обращался к ряду философско-языковых аргументов в поддержку реализма, показывая, что они недостаточны для переубеждения антиреалиста. Это, однако, не означает, что я считаю, что никакой семантический аргумент не способен внести вклад в это противостояние. Аргумент, к которому я хотел бы здесь привлечь внимание, был сформулирован Г. Фреге в качестве ответа на возможные возражения «идеалистов или скептиков» на его семантическую теорию, в которой, как известно, всякому языковому выражению соответствовал смысл, а также денотат (предметное значение). Предметным значением любого выражения Фреге считал объект. Таким объектом мог быть как идеальный, так и материальный объект. Например, смыслом термина «Луна» являлись все те уникальные свойства, присущие Луне, а предметным значением этого термина была сама Луна (объект).

В отношении этой схемы Фреге пишет:

Со стороны идеалистов или скептиков наши рассуждения, вероятно, уже давно встретили такого рода возражение: «Ты говоришь здесь без дальнейших околечностей о Луне как некотором предмете; но откуда ты знаешь, что имя “Луна” вообще имеет значение, откуда ты

знаешь, что вообще что-либо имеет значение?» На это я отвечаю: наша задача состоит не в том, чтобы сказать нечто о нашем представлении о Луне; и мы не довольствуемся смыслом, когда говорим «Луна», – мы предполагаем значение. Допускать, что в предложении «Луна меньше Земли» речь идет о чем-либо представлении о Луне – значит совершенно исказить смысл. Если бы говорящий хотел это выразить, то он применил бы оборот «мое представление о Луне». Мы, конечно, можем заблуждаться в нашем предположении, и такие ошибки встречаются. Но вопрос в том, не ошибаемся ли мы всегда в этом предположении, может быть оставлен здесь без ответа; достаточно указать на намерение, которое руководило нами во время речи или мышления, чтобы иметь право говорить о значении знака, хотя и с оговоркой, если таковое имеется [Фреге, 2000, с. 233–234].

Значимость данного пассажа применительно к исследуемой здесь проблеме в том, что сказать нечто о Луне и сказать нечто о представлении о Луне – разные вещи. Иначе говоря, условия истинности выражения «Земля больше Луны» отличаются от условий истинности выражения «Мое представление о Луне больше моего представления о Земле» (или «Согласно моим представлениям, Луна больше Земли»): чтобы истинным было первое предложение, необходимо, чтобы одно небесное тело было больше другого, а чтобы истинным было второе, требуется чтобы одно представление было больше другого (что бы это ни значило).

Заметим сразу, что для того, чтобы усмотреть описанную разницу в условиях истинности указанных предложений, совершенно неважно, кем является индивид – реалистом или антиреалистом. Все, кто владеет русским языком, фиксируют это различие одинаковым образом, ведь условия истинности предложения представляют смысл предложения, а понимать условия истинности предложения, значит понимать его смысл³. Фреге, таким образом, показывает, что рассуждения об объектах отличны от рассуждений о представлениях фундаментальным семантическим образом. Иными словами, дискурс о представлениях не сводим к дискурсу об объектах.

Что дает эта семантическая перспектива относительно проблемы обоснования реализма? По-видимому, она показывает, что реалистскую установку нельзя опровергнуть, эксплицировав ее в терминах какой-то другой, антиреалистской установки. Является ли такая демонстрация значимой? Полагаю, что в свете упомянутого выше

³ Согласно Витгенштейну: «...чтобы понимать его (предложение), мы должны знать и то, что должно иметь место, когда оно является истинным, и то, что должно иметь место, когда оно является ложным. Таким образом, предложение имеет два полюса, соответствующие случаю его истинности или ложности. Это мы называем смыслом предложения» [Витгенштейн, 1998, с. 121] (подробнее см. [Вострикова, 2018]).

отказа от ожиданий того, что реальность когда-нибудь предстанет перед нами, как она есть, данная демонстрация не столь уж незначительна. Возможен ли более значимый прогресс в обосновании реализма? По-видимому, чтобы получить ответ на этот вопрос, нам придется дождаться выхода следующего подобного сборника.

Список литературы

Бажанов, Кудряшова, 2019 – *Бажанов В.А., Кудряшова Е.В.* О многообразии подходов к пониманию реализма. Размышления о книге «Перспективы реализма в современной философии» // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 122–130.

Витгенштейн, 1998 – *Витгенштейн Л.* Заметки по логике // *Витгенштейн Л.* Дневники, 1914–1916: С прил. Заметок по логике (1913) и Заметок, продиктованных Муру (1914) / Пер., вступ. ст., коммент. и послесл. В.А. Суровцева. Томск, 1998.

Вострикова, 2018 – *Вострикова Е.В.* «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна и его вклад в семантику // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 193–202.

Загидуллин, 2017 – *Загидуллин Ж.К.* Модели в науке и проблема реальности // Перспективы реализма в современной философии: сб. трудов / Под ред. В.А. Лекторского. М.: ИФ РАН, 2017. С. 332–352.

Иванов, 2017 – *Иванов Д.В.* Сознание и реальность // Перспективы реализма в современной философии: сб. трудов / Под ред. В.А. Лекторского. М.: ИФ РАН, 2017. С. 377–390.

Лекторский, 2012 – *Лекторский В.А.* Философия. Познание. Культура. М.: Канон+, 2012. 385 с.

Лекторский, 2017 – *Лекторский В.А.* Реализм как философско-методологическая стратегия исследования познания // Перспективы реализма в современной философии: сб. трудов / Под ред. В.А. Лекторского. М.: ИФ РАН, 2017. С. 4–25.

Макеева, 2011 – *Макеева Л.Б.* Язык, онтология и реализм. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 312 с.

Мур, 1993 – *Мур Дж.* Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия. Избранные тексты / Сост., комм. А.Ф. Грязнова. М.: МГУ, 1993. С. 66–83.

Пирожкова, 2017 – *Пирожкова С.В.* Реалистичен ли реалистический поворот в философии и методологии науки? // Перспективы реализма в современной философии: сб. трудов / Под ред. В.А. Лекторского. М.: ИФ РАН, 2017. С. 274–331.

Перспективы реализма, 2017 – Перспективы реализма в современной философии: сб. трудов / Под ред. В.А. Лекторского. М.: ИФ РАН, 2017. 464 с.

Проблема реальности, 2015 – Проблема реальности в современном естествознании / Под ред. Е.А. Мамчур. М.: ИФ РАН, 2015. 384 с.

Родин, 2017 – *Родин А.В.* Теория объективности Томаса Нагеля и научный реализм // Перспективы реализма в современной философии: сб. трудов / Под ред. В.А. Лекторского. М.: ИФ РАН, 2017. С. 275–296.

Труфанова, 2017 – Ускользящая реальность и социальные конструкции // Перспективы реализма в современной философии: сб. трудов / Под ред. В.А. Лекторского. М.: ИФ РАН, 2017. С. 441–459.

Филатов и др., 2009 – Филатов В.П., Касавин И.Т., Рузавин Г.И., Антоновский А.Ю. Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология и философия науки. 2009 Т. 20. № 2. С. 142–156.

Фреге, 2000 – Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.

Черняк, 2016 – Черняк А.З. Семантика имен собственных как философская проблема // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 70–87.

References

Bazhanov, V.A., Kudryashova, E.V. “O mnogoobrazii podhodov k ponimaniyu realizma. Razmyshleniya o knige ‘Perspektivy realizma v sovremennoy filosofii’” [On the Diversity of Approaches to Understanding of Realism. Thoughts about the book “the perspectives of realism in contemporary philosophy”], *Voprosy filosofii*, 2019, no. 3, pp. 122–130. (In Russian)

Chernyak, A.Z. “Semantika imen sobstvennykh kak filosofskaya problema” [Semantics of Proper Names as a Philosophical Problem], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, vol. 49, no. 3, pp. 70–87. (In Russian)

Devitt, M., Sterelny, K. *Language and Reality. An Introduction to the Philosophy of Language*. Cambridge: MIT Press, 1999, 344 pp.

Filatov, V.P., Kasavin, I.T., Ruzavin, G.I., Antonovski, A.Yu. “Obsuzhdaem statyi o konstruktivizme” [Discussing Articles about Constructivism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2009, vol. 20, no. 2, pp. 142–156. DOI: 10.5840/eps200920268. (In Russian)

Frege, G. “Sense and Reference”, *The Philosophical Review*, 1948, vol. 57, no. 3, pp. 209–230.

Gergen, K. *Social Construction in Context*. London: SAGE, 2001, 240 pp.

Heim, I. “File Change Semantics and the Familiarity Theory of Definiteness”, in: R. Bäuerle et al. (eds.), *Meaning Use and Interpretation of Language*. Berlin-New York: de Gruyter, 1983, pp. 164–189.

Ivanov D.V. “Soznanie i real’nost’” [Consciousness and Reality], in: V.A. Lektorsky (ed.), *Perspektivy realizma v sovremennoy filosofii* [The Perspectives of Realism in Contemporary Philosophy]. Moscow: IF RAN, 2017, pp. 377–390. (In Russian)

Lektorsky, V.A. (ed.) *Perspektivy realizma v sovremennoy filosofii* [The Perspectives of Realism in Contemporary Philosophy]. Moscow: IF RAN, 2017, 464 pp. (In Russian)

Lektorsky, V.A. *Filosofiya. Poznanie. Kul'tura* [Philosophy. Cognition. Culture] Moscow: Kanon+, 2012, 385 pp. (In Russian)

Lektorsky, V.A. “Realizm kak filosofsko-metodologicheskaya strategiya issledovaniya poznaniya” [Realism as a Philosophical and Methodological Strategy of Cognition Research], in: V.A. Lektorsky (ed.), *Perspektivy realizma v sovremennoy filosofii* [The Perspectives of Realism in Contemporary Philosophy]. Moscow: IF RAN, 2017, pp. 4–25. (In Russian)

Makeeva, L.B. *Yazyk, ontologiya i realism* [Language, Ontology, and Realism]. Moscow: NIU VShE, 2011, 312 pp. (In Russian)

Mamchur, E.A. (ed.) *Problema real'nosti v sovremennom estestvoznanii* [The Problem of Reality in Contemporary Natural Sciences]. Moscow: IF RAN, 2015, 384 pp. (In Russian)

Moore, G.E. "Proof of an External World", in: T. Baldwin (ed.). *G.E. Moore: Selected Writings*. London: Routledge, 1993, pp. 147–70.

Pirozhkova, S.V. "Realistichen li realisticheskii povorot v filosofii i metodologii nauki?" [Is Realistic Turn in Philosophy and Methodology of Science Realistic?], in: V.A. Lektorsky (ed.), *Perspektivy realizma v sovremennoy filosofii* [The Perspectives of Realism in Contemporary Philosophy]. Moscow: IF RAN, 2017, pp. 297–331. (In Russian)

Quine, W.V. "Main Trends in Recent Philosophy: Two Dogmas of Empiricism", *The Philosophical Review*, 1951, no. 1, pp. 20–43.

Quine, W.V. "On What There Is", *Review of Metaphysics*, 1948, vol. 2, pp. 21–38.

Quine, W.V. *Word and Object*. Cambridge: MIT Press, 1960, 310 pp.

Rodin, A.V. "Teoriya ob"ektivnosti Tomasa Nagelya i nauchnyi realism" [Thomas Nagel's Theory of Objectivity and Scientific Realism], in: V.A. Lektorsky (ed.), *Perspektivy realizma v sovremennoy filosofii* [The Perspectives of Realism in Contemporary Philosophy]. Moscow: IF RAN, 2017, pp. 275–296. (In Russian)

Trufanova, E.O. "Uskol'zayushchaya real'nost' i sotsial'nye konstruksii" [Evasive Reality and Social Constructions], in: V.A. Lektorsky (ed.), *Perspektivy realizma v sovremennoy filosofii* [The Perspectives of Realism in Contemporary Philosophy]. Moscow: IF RAN, 2017, pp. 441–459. (In Russian)

Vostrikova, E.V. "'Logiko-filosofskii traktat' L. Vitgenshteina i ego vklad v semantiku" [Tractatus Logico-Philosophicus and Its Influence on Semantics], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, vol. 46, pp. 194–203. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Dnevnik, 1914–1916* [Diaries, 1914–1916]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Tomsk: Vodoley, 1998. (In Russian)

Zagidullin, Zh.K. Realizm. Real'nost'. Sub"ektivnaya real'nost' [Scientific Models and the Problem of Reality], in: V.A. Lektorsky (ed.), *Perspektivy realizma v sovremennoy filosofii* [The Perspectives of Realism in Contemporary Philosophy]. Moscow: IF RAN, 2017, pp. 332–352. (In Russian)